

Благодарности

Выражаю особую признательность

Брюсу Блейку и детективу Уэйну Р. Року из Бостонского управления полиции и доктору медицины Крису Микалакесу за техническую помощь в работе;

Джейн Берки, Дону Клири и Андреа Сирилло за полезные критические замечания;

моему редактору Линде Марроу за нежное наставничество;

моему ангелу-хранителю Мег Рули

(каждому писателю необходимо иметь свою Мег Рули!).

И моему мужу Джекобу. Как всегда, Джекобу.

ПРОЛОГ

Сегодня они найдут ее тело.

Я знаю, как это произойдет. Я живо представляю себе всю цепочку событий, которые приведут к находке. В девять утра эти высокомерные дамочки из туристического агентства «Кендалл и Лорд» рассядутся по местам, и их холеные пальчики с идеальным маникюром застучат по клавиатурам компьютеров, бронируя средиземноморский круиз для госпожи Смит, горнолыжный курорт Клостерс для господина Джоунса, а для господина и госпожи Браун на этот раз что-нибудь необычное, экзотическое — может быть, Чангмай или Мадагаскар, — но не слишком суровое, о нет, приключение должно быть прежде всего комфортным. Собственно, таков девиз агентства «Кендалл и Лорд»: «Для любителей комфортного риска». Агентство пользуется популярностью, и телефоны не смолкают.

Уже очень скоро дамочки заметят, что Дианы на месте нет.

Одна из них позвонит ей домой, в жилой комплекс Бэк-Бей, но на звонок никто не ответит. Возможно, Диана в дѹше и попросту не слышит звонка. А может, она уже выехала на работу, но опаздывает. Да мало ли какие могут быть причины — и все вполне безобидные. Но рабочий день будет в разгаре, а настойчивые попытки дозвониться ни к чему не приведут, и тогда в голову полезут другие, уже тревожные мысли.

Думаю, именно комендант дома впустит коллегу Дианы в квартиру. Я вижу, как он нервно теребит в руках связку

ключей и повторяет: «Вы ведь ее подруга, верно? Вы уверены, что она не будет возражать? Потому что я буду вынужден сказать ей о вашем визите».

Они заходят в квартиру, и коллега зовет: «Диана! Ты дома?» Они идут по коридору, стены которого увешаны туристическими рекламными плакатами в изящных рамках, и комендант семенит сзади, следя за тем, чтобы гостья ничего не украла.

Из коридора он заглядывает в дверь спальни. Видит Диану Стерлинг, и уже такие пустяки, как кража, его не волнуют. Сейчас у него единственное желание — поскорей выбраться из этой квартиры, пока не стошнило.

Мне бы очень хотелось быть там, когда приедет полиция, но я не так глуп. Я знаю, что они будут проверять каждую проезжающую машину, каждое лицо, выделяющееся в толпе зевак. Они знают, как велико мое желание вернуться. Даже сейчас, когда я сижу в кофейне «Старбакс» и наблюдаю медленный рассвет, я чувствую, что ее спальня зовет меня. Но, подобно Одиссею, я надежно привязан к мачте своего корабля, чтобы не поддаваться песням сирен. Я не позволю себе разбиться о скалы. Я не совершу такой ошибки.

Вместо этого я сижу и пью кофе, пока за окном просыпается Бостон. Я кладу в чашку три ложки сахара: я люблю сладкий кофе. Я люблю, чтобы все было правильно. Идеально. Безупречно.

А вдалеке кричат сирены, они зовут меня. Я ощущаю себя Одиссеем, который пытается разорвать путы, но они крепко держат меня.

Сегодня они найдут ее тело.

Сегодня они узнают, что мы вернулись.

Год спустя

Детектив Томас Мур ненавидел запах латекса и сейчас, натягивая перчатки, из которых вырвалось облачко талька, ощутил, что к горлу подступает тошнота. Этот запах резины сопровождал самый неприятный аспект его работы и неизменно ассоциировался с кровью и продуктами жизнедеятельности человека. В такие минуты Мур мысленно сравнивал себя с собакой Павлова, натренированной на слюноотделение при виде пищи. Запах был для него своего рода обонятельным сигналом взять себя в руки.

Что он и сделал, прежде чем войти в прозекторскую. После уличной духоты в морге было особенно прохладно, и он чувствовал, как остывают на коже капельки пота. Пятница двенадцатого июля выдалась необыкновенно жаркой, и по всему Бостону надрывно шумели кондиционеры, перемалывая горячий воздух. На мосту Тобин уже томились в пробке автомобилисты, устремившиеся на север, в прохладные леса Мэна. Но Томас Мур не был в числе этих счастливицков. Его отозвали из отпуска, и теперь его ожидало соприкосновение с настоящим кошмаром.

Он уже облачился в хирургический халат, который достал из бельевого шкафа, осталось только надеть бумажный колпак, чтобы спрятать непослушные волосы, и бахилы — он не раз видел, сколько всякой гадости падает со стола на пол и, соответственно, на обувь. Кровь, обрывки тканей. Его нельзя было назвать чистюлей, но приносить

домой на подошвах ошметки из прозекторской совсем не хотелось. На мгновение Мур замер перед дверью, потом сделал глубокий вдох и, готовый к испытанию, вошел в секционный зал.

Накрытый простыней труп лежал на столе, — судя по очертаниям, это была женщина. Мур не стал задерживать взгляд на мертвой и предпочел сосредоточиться на живых, присутствовавших на вскрытии. Судмедэксперт доктор Эшфорд Тирни и санитар морга раскладывали на столике инструменты. По другую сторону стола, прямо напротив Мура, стояла Джейн Риццоли, тоже из отдела по расследованию убийств. Тридцатитрехлетняя Риццоли была маленькой женщиной с волевым подбородком. Ее непокорные кудри были спрятаны под бумажной шапочкой, и лицо, лишенное мягкого обрамления волос, казалось, состояло сплошь из острых углов, а взгляд темных глаз был испытующим и твердым. Полгода назад ее перевели в убойный отдел из подразделения по борьбе с наркотиками. Она была единственной женщиной в команде, и в ее отношениях с одним из детективов уже успели возникнуть проблемы — обвинения в сексуальном домогательстве, встречные упреки в стервозности. Мур не мог сказать, что ему нравилась Риццоли, да и она к нему явно не благоволила. До сих пор им удавалось сохранять чисто деловые отношения, и казалось, она предпочитала именно такой стиль общения.

Рядом с Риццоли стоял ее напарник Барри Фрост, в высшей степени жизнерадостный полицейский. Круглая, лишенная растительности физиономия делала Барри значительно моложе его тридцати лет. Фрост работал с Риццоли вот уже два месяца и не жаловался. Пожалуй, он был единственным человеком в команде, который безропотно сносил ее дурной характер.

Когда Мур подошел к столу, Риццоли заметила:

— А мы все гадаем, когда же вы объявитесь.

— Я был на автостраде, когда вы позвонили мне на пейджер.

— Мы ждем здесь с пяти часов.

— Я только начинаю внутренний осмотр, — сказал доктор Тирни. — Так что детектив Мур прибыл как раз вовремя.

Вот она, мужская солидарность. Доктор Тирни хлопнул дверцей стеклянного шкафа, и она отозвалась жалобной дрожью. Это был редкий случай, когда Тирни позволил себе выплеснуть раздражение. Выходец из Джорджии, доктор Тирни был до мозга костей джентльменом и полагал, что леди должны вести себя как леди. Нельзя сказать, чтобы ему нравилось работать под руководством колючей Джейн Риццолли.

Санитар морга подкатил тележку с инструментами к столу, и в его коротком взгляде, брошенном на Мура, явно читалось: «Неужели ты веришь этой стерве?»

— Сожалею, что вам сорвали рыбалку, — сказал Тирни Муру. — Но, похоже, ваш отпуск отменяется.

— Вы уверены, что это опять наш старый знакомый?

В ответ Тирни сдернул простыню с трупа:

— Ее имя Елена Ортис.

Хотя Мур и настроился на то, что зрелище будет не из приятных, первый взгляд, брошенный на жертву, был как удар кулаком в лицо. Свалившиеся, в сгустках запекшейся крови, черные волосы женщины, словно иглы дикобраза, торчали вокруг лица цвета голубого мрамора. Приоткрытые губы застыли, словно в попытке что-то произнести. Кровь уже смыли с тела, и раны зияли пурпурными прорехами в сером полотне кожи. Видимых ран было две. Одна, особенно глубокая, рассекала горло от левого уха, затрагивая левую сонную артерию и обнажая гортанный хрящ. Типичный coup de grâce, смертельный удар. Вторая зияла в нижней части живота. Эта рана не была смертельной, она была нанесена с совершенно иной целью.

Мур с трудом сглотнул слюну:

— Теперь я понимаю, почему меня отозвали из отпуска.

— Руководить этим расследованием назначили меня, — сказала Риццоли.

В ее словах он уловил нотки предупреждения: она явно защищала свою территорию. Мур понимал, откуда это берется — постоянные насмешки и скептицизм по отношению к женщинам-полицейским заставляли их быть жесткими. По правде говоря, у него не было ни малейшего желания выяснять с ней отношения. Им предстояло вместе работать по этому делу, и сейчас не время было бороться за лидерство.

Мур постарался придать своему голосу уважительный тон:

— Не могли бы вы посвятить меня в обстоятельства происшествия?

Риццоли по-деловому кивнула:

— Жертва была обнаружена сегодня в девять утра в своей квартире на Вустер-стрит, в Южном округе. Обычно она приходит на работу в шесть утра. Цветочный салон «Селебрейшн Флористс» находится в нескольких кварталах от ее дома. Это семейный бизнес, которым владеют ее родители. Когда дочь не явилась на работу, они заволновались. Брат пошел к ней домой проверить, в чем дело. Он обнаружил ее труп в спальне. Доктор Тирни полагает, что смерть наступила между полуночью и четырьмя часами утра. По словам родных, в последнее время у нее не было приятеля, да и соседи по дому не видели, чтобы к ней заходил кто-то из мужчин. Обычная работающая католичка.

Мур взглянул на запястья жертвы:

— Она была связана.

— Да. Клейкая лента на запястьях и щиколотках. Ее нашли обнаженной. На ней были лишь некоторые ювелирные украшения.

— Что за украшения?

— Цепочка. Кольцо. Серьги-гвоздики. Шкатулка с украшениями в спальне не тронута. Так что ограбление как мотив убийства исключается.

Мур посмотрел на цепочку ссадин, опоясывающую бедра жертвы.

— Тело тоже было связано?

— На талии и бедрах следы клейкой ленты, которую используют для герметизации водопроводных труб. Рот тоже был заклеен.

Мур глубоко вздохнул:

— Боже...

Глядя на Елену Ортис, он в какой-то момент увидел перед собой другую молодую женщину, тоже мертвую, — блондинку с кровавыми ранами на шее и животе.

— Диана Стерлинг, — пробормотал он.

— Я уже взял из архива протокол вскрытия Стерлинг, — сказал Тирни. — На случай, если вам понадобится перечитать его.

Мур не видел в этом необходимости. Дело Стерлинг, расследованием которого он руководил, до сих пор было живо в памяти.

Год назад тридцатилетнюю Диану Стерлинг, служащую туристического агентства «Кендалл и Лорд», нашли мертвой в ее собственной квартире. Она была обнажена и привязана к кровати клейкой лентой. У Стерлинг были рассечены шея и низ живота. Убийцу так и не обнаружили.

Доктор Тирни направил луч лампы на живот Елены Ортис. Кровь уже смыли, и края раны теперь были бледно-розовыми.

— Есть какие-нибудь улики? — спросил Мур.

— Прежде чем труп был обмыт, мы сняли с тела несколько волокон. И еще волос, прилипший к краю раны.

Мур оживился:

— Волос жертвы?

— Гораздо короче. И светло-русый.

У Елены Ортис волосы были черные.

— Мы уже запросили образцы волос всех, кто соприкасался с телом, — вставила Риццоли.

Тирни привлек их внимание к ране:

— Здесь мы имеем поперечный разрез. Хирурги называют это разрезом по Мэйларду. Передняя брюшная стенка рассекалась послойно: кожа, поверхностная фасция, мышцы и, наконец, брюшина.

— Как и у Стерлинг, — заметил Мур.

— Совершенно верно. Как у Стерлинг. Но есть различия.

— Да? Какие же?

— У Дианы Стерлинг рана была местами рваной, что указывает на некоторую нерешительность убийцы. А здесь этого нет. Видите, как четко проходит линия разреза? Ни разу не оборвавшись. Очевидно, что убийца нанес удар с абсолютной уверенностью. — Тирни встретился взглядом с Муром. — Наш неизвестный учится. Оттачивает технику.

— Если это тот самый неизвестный, — заметила Риццоли.

— Есть и другие схожие детали. Видите прямоугольный край раны? Это указывает на то, что разрез был сделан справа налево. Как и у Стерлинг. Лезвие, которым нанесена рана, прямое, без зазубрин. Таким же лезвием убили Стерлинг.

— Скальпель?

— Похоже на скальпель. Прямая линия разреза подтверждает, что лезвие не дрожало. Жертва была либо без сознания, либо так крепко связана, что не могла и шелохнуться, не говоря уже о том, чтобы сопротивляться. Так что лезвие скользило как по маслу.

У Барри Фроста было такое выражение лица, будто его вот-вот вырвет.

— О боже! Умоляю, скажите, что она уже была мертва к тому моменту, когда он это сделал.

— Боюсь, это не посмертная рана. — В зеленых глазах Тирни, видневшихся над хирургической маской, полыхала злость.

— Что, было предсмертное кровотечение? — спросил Мур.

— Да, обнаружено скопление крови в тазовой полости. Это значит, что ее сердце еще работало. Она была жива, когда... происходила эта процедура.

Мур посмотрел на запястья, там были синие пятна. Такие же отметины виднелись и на обеих щиколотках, а бедра опоясывала точечная сыпь кровоизлияний. Судя по всему, Елена Ортис сопротивлялась, пытаясь вырваться из пут.

— Есть и другое доказательство того, что она была жива к моменту нанесения смертельной раны, — сказал Тирни. — Залезьте рукой в рану, Томас. Думаю, вы уже знаете, что там найдете.

Мур неохотно сунул руку в полость. Сквозь латекс перчатки он ощутил мягкую плоть, еще прохладную после длительной заморозки. У него вдруг возникло ощущение, будто он шарит внутри тушки индейки в поисках мешочка с потрохами. Он продвинул руку глубже, и его пальцы стали ощупывать стенки полости. Это было грубое вторжение в самую интимную часть женского тела. Он старался не смотреть на лицо Елены Ортис. Только так он мог сохранять бесстрастность, сосредоточившись исключительно на техническом аспекте надругательства над ее телом.

— Матка отсутствует. — Мур взглянул на Тирни.

Судмедэксперт кивнул:

— Ее удалили.

Мур вытащил руку из полости и уставился на рану, зияющую, словно открытая пасть. Теперь настала очередь Риццоли, и ее короткие пальцы принялись исследовать нутро жертвы.

— Больше ничего не тронули? — спросила она.

— Только матку, — сказал Тирни. — Мочевой пузырь и кишечник на месте.

— А что это за твердый узелок я нащупала слева? — спросила она.

— Это шовная нить. Он перевязал ею кровеносные сосуды.

Риццоли опешила:

— Так это хирургический узел?

— Простой кетгут два-ноль, — предположил Мур и взглядом обратился к Тирни за подтверждением.

Тирни снова кивнул:

— Тот же самый, что мы обнаружили в теле Дианы Стерлинг.

— Кетгут два-ноль? — слабым голосом спросил Фрост. Он уже отошел от стола и теперь стоял в углу возле раковины, приготовившись блевать. — Это что, название какого-то бренда?

— Нет, это не бренд, — сказал Тирни. — Кетгут — это хирургическая нить, изготовленная из кишок коровы или овцы. Она используется для зашивания глубоких слоев соединительной ткани. В теле нитки со временем рассасываются.

— Откуда у него мог взяться этот кетгут? — Риццоли взглянула на Мура. — Вы не проверяли источник, когда работали по делу Стерлинг?

— Установить конкретный источник практически невозможно, — ответил Мур. — Этот шовный материал производится десятками компаний, по большей части в Азии. Он до сих пор используется во многих зарубежных клиниках.

— Только в зарубежных?

В разговор вмешался Тирни:

— Сегодня существуют более совершенные материалы. Кетгут уступает синтетическим нитям в прочности и долговечности. Я сомневаюсь, что кто-то из врачей в США использует его сегодня.

— А зачем нашему убийце вообще понадобилось накладывать швы?

— Чтобы кровотечение не портило картину. Ему нужно было видеть, что он делает. Наш неизвестный — исключительный аккуратист.

Риццоли вытащила руку из раны. На резиновой ладони алел крохотный сгусток крови.

— Убийца имеет определенную квалификацию, но какую? Мы имеем дело с врачом или с мясником?

— Совершенно очевидно, что он обладает анатомическими познаниями, — сказал Тирни. — Не сомневаюсь, что он уже проделывал нечто подобное.

Мур сделал шаг назад от стола, пытаясь не думать о том, какие муки пришлось принять Елене Ортис, но избавиться от этих страшных мыслей было непросто. Жертва чудовищного истязания лежала перед ним, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами.

Из оцепенения его вывело звяканье инструментов в лотке, и он в удивлении обернулся. Оказывается, санитар уже подкатил тележку к доктору Тирни, и тот приготовился сделать Y-образный разрез. Теперь всеобщее внимание было приковано к ране в брюшной полости.

— И что потом? — спросил санитар. — Что он делает с удаленными матками?

— Этого мы не знаем, — сказал Тирни. — Органы исчезают бесследно.

Мур стоял на тротуаре в Саут-Энде — районе, где погибла Елена Ортис. Когда-то эти кварталы были скопищем унылых домиков, сдававшихся внаем, — запущенная округа, отделенная железнодорожными путями от respectable северной части Бостона. Но растущий город — ненасытное животное, жадно пожирающее новые земли, и железнодорожные пути для него не преграда. Новое поколение бостонцев открыло для себя Саут-Энд, и ветхие апартаменты постепенно были вытеснены уютными новостройками.

Елена Ортис проживала как раз в одном из таких современных жилых комплексов. Хотя вид из окон ее квартиры на втором этаже нельзя было назвать впечатляющим — прямо через дорогу находилась прачечная, — само здание предлагало своим жильцам редкие даже для Бостона удобства, вроде паркинга на примыкающей улочке.

Мур как раз прохаживался по этой улочке, вглядываясь в окна дома и задаваясь вопросом, не наблюдает ли кто за ним. Но за холодными стеклами не было никакого движения. Полиция уже опросила жильцов квартир, окна которых выходили на улочку, и ни один не представил полезной информации.

Мур остановился под окном ванной комнаты Елены Ортис, рядом с которым находился пожарный выход. Лестница, ведущая к нему, была сложена и зафиксирована защелкой. В ночь, когда убили Елену Ортис, автомобиль

одного из жильцов был припаркован прямо под пожарным выходом. Позже на крыше автомобиля были обнаружены следы обуви сорок первого размера. Убийца использовал автомобиль как подставку, чтобы взобраться наверх.

Мур обратил внимание, что окно в ванной комнате закрыто. В ночь убийства оно закрыто не было.

Детектив покинул улочку, вернулся к парадному подъезду и вошел в дом.

Дверь в квартиру Елены Ортис пересекала полицейская лента. Мур открыл дверь и тут же испачкал ладони черным порошком, которым была обработана ручка. Когда он вошел в квартиру, сорванная лента зацепилась за его плечо.

Гостиная была точно такой, какой он запомнил ее еще вчера, когда приходил сюда вместе с Риццоли. Это посещение, отравленное духом соперничества, было не из приятных. Руководство расследованием изначально было поручено Риццоли, и она очень болезненно относилась к любым попыткам поколебать ее авторитет, особенно со стороны старших по возрасту коллег-мужчин. Хотя теперь они были единой командой, которая насчитывала уже пять детективов, Мур все равно чувствовал себя лазутчиком на чужой территории и любые свои фразы старался облекать в дипломатичную форму. У него не было ни малейшего желания втягиваться в битву характеров, которую навязывала ему Риццоли. Вчера он очень старался сосредоточиться на осмотре места происшествия, но в присутствии Риццоли ему это плохо удавалось.

Только сейчас, в одиночестве, он мог сконцентрироваться и внимательно изучить обстановку, в которой умерла Елена Ортис. В гостиной он увидел разношерстную мебель, расставленную вокруг плетеного кофейного столика. В углу на столе — компьютер. Бежевый ковер с рисунком из розовых цветов и виноградной лозы. По словам Риццоли, с момента убийства здесь ничего не трогали. За окном уже начинали стучаться сумерки, но Мур не включал свет. Он долго стоял неподвижно, ожидая, пока настанет пол-

ный покой. Ему впервые представилась возможность побыть здесь одному, не отвлекаясь на чужие голоса и лица живых людей. Он представил себе, как постепенно замирают молекулы воздуха, потревоженные его вторжением. Ему хотелось, чтобы комната заговорила с ним.

Он ничего не чувствовал. Ни запаха смерти, ни трепета от недавнего ужаса.

Убийца вошел не через дверь. И он не бродил по квартире, оглядывая свое новое царство смерти. Его внимание было приковано исключительно к спальне.

Мур медленно прошел мимо крошечной кухни в коридор. И тут же почувствовал, как по коже побежали мурашки. У первой же двери он остановился и заглянул в ванную. Включил свет.

«Ночь на четверг жаркая. Настолько жаркая, что по всему городу люди распахнули окна в надежде поймать хоть глоток свежего воздуха. Ты таишься у пожарного выхода, потев в своей темной одежде, и разглядываешь окно ванной комнаты. Не слышно ни звука; женщина спит в своей спальне. Утром ей рано вставать, чтобы идти на работу в цветочный магазин, и в этот час ее сон переходит в самую глубокую фазу. Она не слышит, как ты скребешь шпателем, пытаясь снять москитную сетку».

Мур посмотрел на обои в мелких бутонах красных розочек. Чисто женский рисунок, мужчина никогда не выбрал бы ничего подобного. Собственно, все в этой ванной говорило о том, что ее хозяйка — женщина, начиная с клубничного шампуня, упаковки «Тампакса» под умывальником и заканчивая аптечным шкафчиком, набитым косметикой. Похоже, девушка была голубоглазой.

«Ты лезешь в окно, и волокна твоей темно-синей рубашки остаются на раме. Полиэфирная ткань. Твои кроссовки сорок первого размера оставляют следы на белом линолеуме пола. В них частички песка, смешанного с кристаллами гипса. Типичная смесь для тротуаров Бостона.

Возможно, ты замираешь, вслушиваясь в темноту. Вдыхая сладкий незнакомый запах женской обители. А может, ты не тратишь время попусту и направляешься сразу к цели. К спальне».

По мере того как Мур следовал маршрутом убийцы, воздух становился гуще, тяжелее. В нем уже угадывалось не ощущение смерти, а ее запах.

Детектив подошел к двери спальни. Теперь волоски на его шее стояли дыбом. Он уже знал, что увидит за дверью. Он думал, что готов к этому, и все же стоило ему включить свет, как ужас вновь охватил его, совсем как в тот раз, когда он впервые переступил порог этой комнаты.

Кровь уже запеклась. Из службы уборки помещений еще не приходили. Но даже самые сильные моющие средства и килограммы белой краски вряд ли смогут полностью стереть следы кошмара, сотворенного в этих стенах. Казалось, здесь сам воздух пропитан смертельным ужасом.

«Ты заходишь в эту комнату. Окна зашторены, но занавески сделаны из тонкого хлопка, и свет от уличных фонарей струится сквозь ткань прямо на постель, освещая спящую женщину. Конечно, ты должен растянуть этот момент, насладиться зрелищем. Посмаковать задачу, которая стоит перед тобой. Ведь тебе это так приятно, не правда ли? Ты возбуждаешься все больше и больше. Восторг разливается у тебя в крови, словно наркотик, пробуждая каждый нерв, так что вскоре даже кончики пальцев начинают пульсировать от предвкушения».

Елена Ортис даже крикнуть не успела. А может, она и кричала, только ее никто не слышал: ни семья за соседней дверью, ни супружеская пара, что живет этажом ниже.

Убийца принес с собой все необходимое. Клейкую ленту. Тряпку, пропитанную хлороформом. Набор хирургических инструментов. Он пришел полностью подготовленным.

Истязание длилось явно больше часа. По крайней мере, какую-то часть этого времени Елена Ортис находи-

лась в сознании. Судя по тому, что кожа на ее запястьях и щиколотках была содрана, она сопротивлялась. Пока она билась в агонии, ее мочевой пузырь не выдержал, и моча пропитала матрас, смешавшись с кровью. Операция, которую задумал убийца, была чересчур деликатной, и он не спешил, делал все аккуратно, чтобы взять только то, что хотел, и ничего лишнего.

Он не насиловал ее. Возможно, он был попросту не способен на это.

Когда убийца закончил свою жуткую экзекуцию, женщина была еще жива. Рана в области таза продолжала кровоточить, сердце качало кровь. Как долго это длилось? Доктор Тирни предположил, что не менее получаса. Тридцать минут, которые Елене Ортис, должно быть, показались вечностью.

«А что ты делал в это время? Собирал инструменты? Упаковывал свой приз в приготовленный сосуд? Или же просто стоял рядом, наслаждаясь зрелищем?»

Финальный акт был скорым и деловитым. Мучитель Елены Ортис взял то, что хотел, и теперь пришло время поставить точку. Он подошел к изголовью кровати. Левой рукой схватил свою жертву за волосы, запрокинув ей голову с такой силой, что вырвал прядь. Эти волосы потом обнаружили на подушке и на полу. О событиях последних минут кричали пятна крови. Жертва, полностью парализованная, лежала перед ним, подставив шею, которую он и рассек одним ударом лезвия, от уха до уха. Он перерезал левую сонную артерию и трахею. Хлынула кровь. На стене слева от кровати были густые потеки артериальной крови, перемешанные с кровавой слизью из трахеи. Простыни и подушка насквозь пропитались кровью. Несколько капель, сорвавшихся с лезвия, упали на подоконник.

Елена Ортис еще успела увидеть, как ее собственная кровь фонтаном бьет из шеи, пятная стену ярко-красными брызгами. Она успела вдохнуть кровь поврежденной тра-

хеей, услышать, как она булькает в легких, а потом отхаркнуть алую мокроту в приступе удушающего кашля.

Она была жива достаточно долго, чтобы успеть осознать, что умирает.

«И когда все было кончено, когда прекратилась ее агония, ты оставил нам свою визитку. Ты аккуратно сложил ночную рубашку жертвы и оставил ее на комод. Зачем? Может, это какой-то извращенный знак уважения к женщине, которую ты только что изуродовал? Или ты просто захотел подразнить нас? Показать, что ты хозяин положения?»

Мур вернулся в гостиную и плюхнулся в кресло. В квартире было жарко и душно, но его била дрожь. Он не мог точно сказать, чем был вызван этот озноб — его физическим или моральным состоянием. Ломило ноги и плечи, и Мур предположил, что, возможно, в нем засел вирус. Летний грипп, самый тяжелый. Он вдруг подумал о тех местах, где предпочел бы сейчас находиться. Скажем, в Эдрифте на озере Мэн, где он сейчас забрасывал бы удочку. Или на морском побережье, окутанном туманом. Да где угодно, только не здесь, где пахнет смертью.

Зуммер пейджера заставил его вздрогнуть. Мур выключил аппарат и почувствовал, как сильно бьется сердце. Он велел себе успокоиться, потом достал из кармана сотовый телефон и набрал номер.

— Риццоли. — Она ответила сразу, ее фамилия прозвучала как выстрел.

— Вы звонили мне на пейджер.

— Вы почему-то не сообщили мне, что посылали запрос в ПАТП, — сказала она.

— Какой запрос?

— По Диане Стерлинг. Я сейчас просматриваю ее дело.

ПАТП — федеральная Программа анализа тяжких преступлений — представляла собой общенациональный банк данных, куда стекалась информация из полицейских управ-

лений всех штатов. Убийцы зачастую повторяли свой собственный почерк преступления, и, используя данные ПАТП, следователи получали возможность по характерным деталям установить личность преступника. Собственно, запрос, инициированный Муром и его тогдашним партнером Растии Стиваком, был делом обычным.

— В Новой Англии похожие преступления не зарегистрированы, — сказал Мур. — Мы просмотрели все дела, в которых фигурировали расчленение, ночное вторжение, связывание клейкой лентой. Ничего общего с почерком убийцы Стерлинг.

— А как насчет серии в Джорджии? Три года назад, четыре жертвы. Одна в Атланте, три в Саванне. Все они есть в базе данных ПАТП.

— Я просмотрел те дела. Это не наш убийца.

— А что вы, Мур, скажете на это? Дора Чикконе, двадцать два года, выпускница Университета Эмори. Жертву сначала парализовали рогипнолом, потом привязали к кровати нейлоновым шнуром...

— Наш парень использует хлороформ и клейкую ленту.

— Но там убийца тоже распорол девушке живот. Вырезал матку. Смертельный удар исполнен так же — глубокая рана на шее. И наконец — обратите внимание — он сложил ее ночную сорочку и оставил на стуле возле кровати. Говорю вам, очень много совпадений.

— Дела в Джорджии закрыты, — сказал Мур. — Вот уже два года как. И тот преступник мертв.

— А что, если полиция Саванны проморгала настоящего убийцу? Что, если тот парень, которого осудили, не убивал?

— У них был анализ ДНК. Образцы волокон, волос. Плюс ко всему свидетель. Жертва, которая осталась жива.

— Ах да. Везунчик. Жертва номер пять. — В голосе Риццоли прозвучали язвительные нотки, что было довольно странно.

— Она опознала убийцу, — сказал Мур.
— И как нельзя более кстати уколошила его.
— Так что, вы хотите арестовать его призрак?
— А вы когда-нибудь беседовали с этой выжившей жертвой? — спросила Риццоли.

— Нет.
— Почему?
— А смысл?
— Смысл в том, что вы могли бы узнать что-нибудь интересное. Например, то, что она покинула Саванну вскоре после нападения. И знаете, где она сейчас проживает?

Даже сквозь треск в телефонной трубке Мур слышал гулкие удары собственного пульса.

— В Бостоне? — тихо спросил он.
— И вы не поверите, когда узнаете, кем она работает.

З

Доктор Кэтрин Корделл бежала по больничному коридору, и под подошвами ее кроссовок отчаянно скрипел линолеум. Толкнув распашные двери, она ворвалась в отделение скорой помощи.

— Они во второй травме, доктор Корделл! — крикнула медсестра.

— Иду, — отозвалась Кэтрин и, словно управляемый снаряд, полетела во вторую операционную.

Когда она вошла туда, с полдюжину человек устремили на нее взгляды, исполненные облегчения. Она мгновенно оценила ситуацию, увидев разложенные на лотке инструменты, штативы капельниц, на которых, словно тяжелые плоды, висели заготовленные емкости с лактатом Рингера, кровавые бинты и надорванные упаковки стерильного материала, разбросанные по полу. На экране монитора ритмично дергалась синусоида — электрическая модель сердца, пытавшегося убежать от смерти.

— Что у нас тут? — спросила она, когда персонал расступился, пропуская ее вперед.

Хирург-стажер Рон Литтман коротко изложил суть:

— Неизвестный мужчина, жертва наезда на дороге. Доставили к нам без сознания. Зрачки ровные, реагируют, легкие чистые, но живот напряжен. Кишечник молчит. Давление шестьдесят на ноль. Я сделал парацентез. В животе кровь. Мы подключили всю аппаратуру, вливаем лактат Рингера, поднять давление не удастся.

- Первая отрицательная в пути?
- Будет с минуты на минуту.

Мужчина лежал голый на операционном столе, и все интимные части тела были безжалостно выставлены на всеобщее обозрение. На вид ему было за шестьдесят. Он уже был опутан многочисленными трубками и подключен к аппарату искусственного дыхания. Вялые мышцы обвисали на костлявых конечностях, выпирающие ребра напоминали изогнутые лопасти.

«Хроник, — подумала Кэтрин, — скорее всего, рак».

Правые рука и бедро были ободраны и кровоточили после удара об асфальт. В нижней правой части грудной клетки распознана огромный синяк — фиолетовое пятно на белом пергаменте кожи. Проникающих ран не было.

Вооружившись фонендоскопом, она принялась за осмотр пациента, проверяя показания врача-стажера. В животе действительно было тихо. Никаких звуков — ни урчания, ни клеткота. Типичное молчание травмированного кишечника. Прижав мембрану фонендоскопа к груди пациента, она вслушалась в его дыхание, чтобы определить, правильно ли поставлены эндотрахеальная трубка и система вентиляции легких. Сердце стучало, словно кулак, по стенке грудины. Осмотр занял всего несколько секунд, но ей показалось, будто все происходит, как в замедленной съемке, а окружающие застыли во времени, ожидая ее следующего шага.

Раздался возглас медсестры:

- Верхнее упало до пятидесяти!

Время рвануло вперед с пугающей скоростью.

— Дайте мне халат и перчатки, — сказала Кэтрин. — И приготовьте все для лапаротомии.

— Может, отвезем его в реанимацию? — предложил Литтман.

- Все палаты заняты. Мы не можем ждать.

Кто-то подsunул ей бумажный колпак. Она быстро убрала под шапочку свои рыжие, до плеч, волосы и надела мас-

ку. Медсестра уже держала наготове стерильный хирургический халат. Кэтрин просунула руки в рукава и натянула перчатки. У нее не было времени на мытье, как не было времени и на колебания. Она отвечала за судьбу неизвестного и не могла подвести его.

На грудь и таз пациента накинули стерильные простыни. Кэтрин схватила с лотка кровоостанавливающей зажим и ловкими движениями зафиксировала края простыней — щелк, щелк.

— Где кровь? — крикнула она.

— Связываюсь с лабораторией, — откликнулась медсестра.

— Рон, ты первый ассистент, — бросила Кэтрин Литтману. Оглядевшись по сторонам, она заметила бледнолицего юношу, стоявшего возле двери. На его именной бирке значилось: «Джереми Барроуз, студент-медик». — Вы второй, — сказала она.

В глазах юноши промелькнула паника.

— Но... я всего лишь на втором курсе. Я здесь просто...

— Можно пригласить еще кого-нибудь из хирургов?

Литтман покачал головой:

— Все заняты. В первой операционной — черепно-мозговая травма, в приемном — помирашка.

— Ладно. — Кэтрин опять оглянулась на студента. — Барроуз, вы ассистируете. Сестра, дайте ему халат и перчатки.

— А что мне нужно делать? Я ведь в самом деле не знаю...

— Послушайте, вы хотите стать врачом? Тогда одевайтесь!

Барроуз залился краской и отвернулся, чтобы надеть халат. Мальчишка явно перепугался, но в любом случае Кэтрин предпочитала иметь дело с такими тихонями, как Барроуз, нежели с высокомерными выскочками. Она знала, как часто больные гибнут из-за чрезмерной самоуверенности врачей.

Герритсен Т.

Г 39 Хирург : роман / Тесс Герритсен ; пер. с англ. И. Литвиновой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-09082-8

Он проникает в дома по ночам и неслышно входит в спальни женщин, которые, пробудившись ото сна, попадают в оживший кошмар. Судя по тому, что он проделывает со своими жертвами, можно предположить, что он близко знаком с медициной, и газетчики присваивают ему прозвище Хирург. В ходе расследования детективы Томас Мур и Джейн Риццولي обнаруживают, что преступник копирует почерк серийного маньяка, убитого два года назад, причем копирует до мельчайших подробностей, известных очень немногим. Они решают встретиться с выжившей жертвой убитого маньяка — доктором Кэтрин Корделл. Именно она застрелила своего мучителя, и, похоже, именно она становится главной целью подражателя. С каждым очередным убийством он подбирается к ней все ближе...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТЕСС ГЕРРИТСЕН
ХИРУРГ

Ответственный редактор Елена Гуляева
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ксения Казак
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.12.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 24.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RBD-17095-03-R